

СЕРДИТОЕ ПИСЬМО. Инструкции и люди

Взросшее число контактов с другими странами решает одни проблемы и вместе с тем ставит другие. В частности, по оценкам специалистов, от 6 до 8 млн. советских граждан пересекут границу СССР через пункты таможенного контроля в 1990 г., и то, что сегодня является неудобством для сотен тысяч, завтра может вырасти в серьезную проблему для миллионов. Таможенная служба меняет свой стиль и методы работы, но до сих пор то из одного, то из другого города приходят жалобы...

Сегодня мы публикуем заметки журналиста еженедельника "Неделя", Андрея МАЛЬГИНА, посвященные этой теме.

НЕ ТАК ДАВНО Татьяна Толстая рассказала на страницах "Московских новостей" о бывшем диссиденте, а ныне американском гражданине Александре Гольдфарбе, который, посетив СССР, поверил в перестройку, а уезжая, после неприятностей на таможне снова в ней разуверился.

25 сентября сего года на таможне аэропорта "Шереметьево-2" у меня, улетавшего в Соединенные Штаты Америки, был произведен досмотр личных вещей. Были изъяты различные рукописи, августовский номер журнала "Молодая гвардия", а когда я показал таможенникам редакционное удостоверение, рассчитывая убедить их, что отнятое нужно мне для исполнения прямых журналистских обязанностей, - конфисковали и удостоверение. Лица, производившие досмотр (двое в форме и двое в штатском), были вежливы, корректны, действовали, как я выяснил позже, в строгом соответствии с инструкцией, и претензий у меня к ним, казалось бы, не должно было быть. Мне терпеливо разъяснили, что "рукописи вывозу не подлежат", что на журнале имеется библиотечный штамп и поэтому журнал тоже "не подлежит", то же относится и к моему удостоверению, потому что его украшает гербовая печать. Так что я не против таможенников. Я против инструкций.

В план моей поездки входило чтение лекций о молодой советской литературе в Колумбийском университете и Русском эмигрантском центре. Может быть, я оказался недостаточно патриотичен, но мне пришлось сообщить слушателям, почему я лишен возможности проиллюстрировать тезисы своих докладов литературным материалом. Материал в это время покоился где-то в недрах шереметьевского аэропорта (недрах настолько глубоких, что, когда я спустя две недели летел обратно, его более часа не могли там разыскать). В неудобном положении оказался я и перед издателями совместного советско-американского альманаха "Черновик" - большая часть рукописей предназначалась для него. Не знаю, изменились ли представления американцев о гласности после моих объяснений.

В конце концов, можно пережить то, что в самолете не удалось почитать журнал "Молодая гвардия", отнесенный к национальным библиотечным сокровищам. Можно примириться и с тем, что не выйдет или выйдет позже некий альманах, пропагандирующий в США нашу литературу. И известинское удостоверение мне в "нережимной" Америке было в общем-то ни к чему. Но, согласитесь, когда у вас в чемоданах перетряхивают каждую тряпочку и едва ли не на свет разглядывают каждую бумажку, подозревая в вас, очевидно, потенциального преступника, вы отнюдь не проникаетесь чувством уважения к тем, кто это делает. Тем более что не далее как в августе на страницах "Известий" вам довелось прочесть выступление начальника Главного управления государственного таможенного контроля при Совете Министров СССР В. Боярова, утверждавшего, что в основу перестройки таможни "положена новая концепция: принцип доверия ко всем, кто пересекает Государственную границу СССР".

С большой помпой таможня сообщила о введении с августа "зеленых" и "красных" коридоров. Дескать, если у тебя есть что предъявить контролю, иди в "красный", тебя досмотрят, если нет, - ступай в "зеленый", где нет очереди и где даже декларацию заполнять не надо. "...Оборудование системы "красных" и "зеленых" коридоров в аэропорту "Шереметьево" обошлось нам в 300 тысяч инвалютных рублей", - объявил товарищ В. Бояров.

Сообщаю свежие сведения: валюта истрачена зря. В зале прилета хотя и висели соответствующие

указатели, работал лишь один "зеленый" коридор; очередь туда наидлиннейшая, а пропускают далеко не всех желающих, не каждого, кто чувствует себя честным человеком, а лишь небольшую группу прилетающих - "командировочных", которые и так на таможне пользовались определенными привилегиями. Я, естественно, в "зеленый" коридор не совался, а в "красном", пока дождался досмотра, провел на ногах более трех часов. Вместе со мной, кстати, мыкались там американские старушки, представительницы какого-то движения с интересным названием (что-то вроде "Лос-Анджелес за дружбу с Советским Союзом"), В самолете все они были погружены в чтение одной и той же книги - "Арбатс чилдрен" и рассказывали немногочисленным советским попутчикам (и мне в том числе), как они любят Россию, в которой, правда, ни разу не были. Не знаю, к каким выводам они придут, уезжая, но видел, что по мере прохождения шереметьевских кругов (непомерная суровость пограничников - недоразумения с получением багажа - очередь на таможню) настроение у них портилось.

Кстати, знаете, какими словами начинается американская таможенная декларация? "Мы рады приветствовать вас в Америке!" Советская же в первых словах предупреждает о строгой ответственности за сообщение ложных сведений.

За свои выступления в США я получил некоторый гонорар. Небольшие, но все же деньги. Я решил не тратить их, грубо говоря, на тряпки, а купить кое-какие средства оргтехники, необходимой для человека моей профессии. Мне и в голову не пришло, что я совершаю что-то крамольное. На таможне, оказалось, отлично осведомлены о ценах на все эти вещи. И мне выдали то, что более или менее соответствовало моему первоначальному валютному обмену, а остальное, что называется, "задержали".

Как же так, возмутился я и сослался на интервью, которое "Московским новостям" (N 36) дал зам. начальника управления таможенного права ГУТК СССР А. Хромцов. В этом интервью ответственный товарищ сообщил, что граждане СССР отныне имеют право на легально заработанную валюту ввозить в страну любую технику. Причем без уплаты пошлины. И независимо от цели поездки. И, что самое удивительное, - тут я не удержусь от цитаты, - "документы о получении валюты предъявлять необязательно!"

Последнее обещание было столь фантастическим, что я по извечной "нашенской" недоверчивости запасаю документами, подтверждающими "легальность" своих, повторяю, небольших заработков. Увы, и это не помогло: в то, что советский человек может заработать валюту помимо совзагранучреждений, на шереметьевской таможне просто не поверили.

Я попросил неосведомленного таможенника представиться. "159-й" - сообщил он, отказавшись назвать фамилию. Его анонимный начальник, представившийся как "149-й", подтвердил правильность действий своего подчиненного, и мои вещи - не украденные, не отнятые ни у кого, даже не полученные в подарок, а заработанные - уехали на тележке.

Наутро я позвонил тов. Хромцову и рассказал о случившемся.

- Не может быть! - воскликнул он.

- Очень даже может, - ответил я и поинтересовался: - Так вы не отказываетесь от своих слов, опубликованных в "Московских новостях"?

- Как же я могу отказываться от того, что написано в новых "Правилах ввоза в СССР и вывоза за границу гражданами вещей, валюты и ценностей"? Начиная с 15 августа, они действуют на всех пунктах таможенного контроля на территории СССР. (Кстати, любопытно, почему их до сих пор не опубликовали для всеобщего ознакомления? - А. М.). Вы пали жертвой недоразумения, - успокоил меня товарищ Хромцов и порекомендовал обратиться к начальнику одного из отделов ГУТК СССР товарищу Г. Гурьенкову.

" А вы представляете, что будет, - неожиданно темпераментно воскликнул Г. Гурьенков, - если каждый приехавший из-за рубежа будет ссылаться на некие заработанные там деньги?

- Вот поэтому я и запасся копиями выписанных мне чеков... Кстати, а что будет, если люди будут ссылаться?

- Так они же понавезут оттуда сто-о-олько вещей!..

- А в этом что плохого? При пустых-то наших магазинах...

- Спекуляция начнется!

- А вы что, предпочли бы, чтобы вещь стоила дорого, но ее можно было купить, или чтобы она теоретически была дешева, но абсолютно недоступна?

- И то и другое плохо, - уклончиво ответил на мой каверзный вопрос тов. Гурьенков и любезно согласился способствовать возвращению отнятых у меня предметов (что действительно было сделано).

И последняя картинка. Когда я улетал, таможенники обнаружили в моем чемодане несколько писем, которые мои знакомые просили передать своим знакомым. Меня попросили все конверты разорвать, а письмо одной очень известной советской поэтессы одному очень известному американскому писателю прочли. С первого слова и до последнего.